

Елена Шварц

ТРУДЫ И ДНИ ЛАВИНИИ,
МОНАХИНИ ИЗ ОРДЕНА
ОБРЕЗАНИЯ СЕРДЦА

Елена Шварц

ТРУДЫ И ДНИ ЛАВИНИИ,
МОНАХИНИ ИЗ ОРДЕНА
ОБРЕЗАНИЯ СЕРДЦА

(От Рождества до Пасхи)

Ardis, Ann Arbor

Copyright© 1987 by Ardis Publishers
All rights reserved under International and Pan-American
Copyright Conventions.
Printed in the United States of America

Ardis Publishers
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Shvarts, Elena.
Trudy i dni Lavinii monakhini iz ordena obrezaniia serdtsa.

I. Title.

PG3487.V33T78 1987 891.71'44 86-32044

ISBN 0-87501-041-5 (pbk.)

Хочешь быть мудрым в веке сем, будь безумным.

Ап. Павел. Посл. к Кор.

Да раздражу глубину сердечную.

Из Патерика

*Иоанн рече: Что есть гроб хождаше, а в нем мертвец пояше?
Василий рече: Кит в море хождаше, а Иона в чреве песьи Богу
пояше.*

Беседа трех святителей

То обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве.

Ап. Павел. Посл. к Римл. 2, 29

*„Но с чем же может граничить Россия с этих двух сторон?“
„...Вы это знаете!“ – вскричал больной.*

Р. М. Рильке

*Поймав зайца, забывают про ловушку... Где мне найти забывшего
про слова человека, чтобы с ним поговорить?*

Чжуан-Цзы

*У входа в пещеру
Играю с клубящимся туманом.
Безумный Линь*

*И скоро станет небольшой
И полой чашей.*

А. Миронов

*Поэт есть тот, кто хочет то, что все
Хотят хотеть...*

О. Седакова

*И все же силою любви
С гнездом подняться от земли
Сам, Господи, благослови!*

И. Бурихин

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Хотя нашей специальностью является публикация трудов по современной психологии, мы все же решаемся издать в свет произведения монахини Лавинии, присланные нам ее сестрой. Нам кажется, это будет небезынтересным как пример спонтанного взрыва бессознательного, с которым не может справиться современное сознание. Сестра Лавиния смело, я бы даже сказал — дерзко — пошла навстречу этому взрыву и поплатилась за это, как нам известно, рассудком. Впрочем, труды ее представляют интерес и в других отношениях, особенно актуален для нас ее органический экуменизм, а также неортодоксальность, сочетающаяся с глубокой верой. Мы надеемся, что эта причудливая смесь видений, фантомов, медитаций, простых признаний и непритязательных наблюдений даст пищу не только психоаналитикам, но и послужит к лучшему самопознанию современного человека.

ПИСЬМО СЕСТРЫ К ИЗДАТЕЛЮ:

Где этот монастырь — сказать пора:
Где пермские леса сплетаются с Тюрингским лесом,
Где молятся Франциску, Серафиму,
Где служат вместе ламы, будды, бесы,
Где ангел и медведь не ходят мимо,
Где вороны всех кормят и пчела —
Он был сегодня, будет и вчера.

Каков он с виду — расскажу я тоже.
Круг огненный, змеиное кольцо,
Подвал, чердак, скалистая гора,
Корабль хлыстовский, остров Божий —
Он был сегодня, будет и вчера.

А какова была моя сестра?
Как свечка в яме. Этого довольно.
Рос волосок седой из правого плеча.
Умна, глупа — и этого довольно.
Она была как шар — моя сестра,
И по ночам в садах каталась,
Глаза сияли, губы улыбались,
Была сегодня, будет и вчера.

СОБСТВЕННО ТРУДЫ СЕСТРЫ ЛАВИНИИ

ИППОДРОМ

Слова копытами стучат. В середине дров
Расколется пылающее сердце.
Как машут крыльями, свистят
Ночные демоны, мои единоверцы.

Вот я бегу меж огненных трибун
Подстриженной лужайкой к небосклону,
И ставят зрители в сияньи и дыму,
Что упаду — один к миллиону.

На черную лошадку — на лету
Она белеет и тончает,
Хрипит, скелетится, вся в пене и поту,
И Бог ее, как вечер, догоняет.

* * *

Слышу, как душа моя дышит.
Дышит и в вас, коли не задушили
Воздух ее иной.
В легких ее — изумрудный мох,
Голубая эфирная кровь,
Страдание мое — глубокий вдох,
А выдох ее — Любовь.

* * *

Храм тем больше храм, чем меньше храм он.
Помню я — церквушечка одна
Вся замшелая, как ракушка. Ночами
В ней поет и служит тишина.

Там в проломы входят утра и закаты,
И луна лежит на алтаре,
Сад кругом дичающий, косматый
Руки в окна опускает в сентябре.

Только голубь вдруг вкось
Вспорхнет из колонны,
На которой коростой свилось
Спасенье Ионы.

Пагода, собор или костел —
Это звездный, это — Божий дом,
Забредут ли волк или прохожий —
Ветер напоит его вином.

Ангел даст серебряного хлеба.
Ты, когда разрушишься, — тобой
Завладеют тоже ветер, небо,
Тишины неукротимый вой.

* * *

Жизнь семерична, восьмерична, гнута,
Как венский стул, висящий под Луной.
Ты мне явился, о надрывный Будда,
Как заводской трубы осенний вой.

Ты пролетел над мерзнущим туманом,
Над рельсами куда-то в Сестрорецк,
И промокашка воздуха впитала
Тебя всего. Но это — не конец.

Ты — соль зимы. Ты — первый лед и крыша
Для снулых рыб. Они посмотрят вверх
И видят — тени на ловитву вышли,
И вижу я — что в этих Ты и в тех.

* * *

Свое мучение ночное
Я назвала себе: любовь.
Мы разве знаем что другое?
Мы затвердили — страсть и кровь.
А то была другая боль,
И немота меня трясла,
И мозг от ужаса свивало,
А просто — Ангел сердце мне
Вдруг вырезал концом кинжала.
И вот оно сквозит — пролом,
И смотрит Ангел милосердный —
Как чрез него хрипя, с трудом
В мир выезжает Всадник бледный.

* * *

Я подругу умершую видела
Всю ночь напролет во сне.
Может быть — и она меня видела
На той стороне?
Неужели мы тоже для них
Так белы, так бедны словами,
И в слезах и страшны и милы,
Как жених в зеркалах, за свечами?

АНГЕЛ-ВОЛК

Много снега пало на сердце,
Треснул и сломался лед,
Из глубокой темной проруби
Выплыл серый Ангел-Волк.
Он захлебывался весь,
Подвывал он — мы ли, вы ли,
Обнялись мы с ним и всю,
Всю Вселенную обвыли.
Мы двойным омыли воем
Бойни, тюрьмы и больницы,
Мышку бедную в норе,
И родных умерших лица,
И старушку во дворе.
И унынье задрожало,
И печаль всколыхнулась,
И нечаянная Радость
Вдруг стремительно проснулась
Ангел серый, Ангел-Волк,
Повоем на Луну,
Ты меня в седую полночь
Не оставь одну.

* * *

Зачем я мучила январь?
Желтят тоски моей закаты
Его заплаканную даль.
Царапну воздух — киноварь
Сочится в мертвый день распятый.

Зачем я мучила январь?
Но и меня он мучил тоже,
Иголки каждый день втыкал
В мою истерзанную кожу
И грубой солью посыпал.
Зачем мы мучимся, январь?

* * *

Так свет за облаками бьется,
Как мысль за бельмами слепого,
Так — будто кто-то рвется, льется
Через надрезанное слово.

Так херувим, сочась, толкаясь,
Чрез голоса влетает в клирос,
И человек поет, шатаясь,
Одетый в божество — на вырост.

УРОКИ АББАТИССЫ

Мне Аббатисса задала урок —
Ей карту Рая сделать поточнее.
Я ей сказала — я не Сведенборг.
Она мне: будь смиренней и смиреннее.
Всю ночь напрасно мучилась и сникла,
Пока не прилетел мой Ангел-Волк,
Он взял карандаши, бумагу, циркуль
И вспомнил на бумаге все, что мог.
Но Аббатисса мне сказала — спрячь.
Или сожги. Ведь я т е б я просила,
Тебе бы только ангела запрячь,
А где ж твои и зрение и сила?

Мне Аббатисса задала урок —
Чтоб я неделю не пила, не ела,
Чтоб на себя я изнутри смотрела
Как на распятую — на раны рук и ног.
Неделю так я истово трудилась, —
А было лето, ухала гроза —
Как на ступнях вдруг язвами открылись
И на ладонях синие глаза.
Я к Аббатиссе кинулась — смотрите!
Стигматы! В голубой крови!
Она в ответ: ступай назад в обитель,
И нет в тебе ни боли, ни любви.

Мне Аббатисса задала урок —
Чтоб я умом в Ерусалим летела
На вечерю прощанья и любви.
И я помчалась, бросив на пол тело.

„Что видела ты?“ — „Видела я вечер.
Все с рынка шли. В дому горели свечи.

Мужей двенадцать, кубок и ножи,
Вино на стол пролитое. В нем — муху.
Она болтала лапками, но жизнь
В ней, пьяной, меркла...” — „Ну а Спасителя?” —
„Его я не видала.
Нет, врать не буду. Стоило
Глаза поднять — их будто солнцем выжигало,
Шар золотой калил. Как ни старалась —
Его не видала, почти слепой осталась”.
Она мне улыбнулась: „Глазкам больно?”
И в первый раз осталась мной довольна.

ТЕМНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ

Шли три волхва, как три свечи,
Вдоль поля, сада, огорода.
Цвела сирень, как мозг безумный,
Не пели птицы и волхвы,
А пела вещая Свобода.

Что за спиною вашей числа?
Разъем я кислоту слов —
Откуда Женское возникло,
Откуда Множественность свисла
Ветвями темных трех дубов.

Во тьме есть страшная Девица,
Всей черной кровию кипящей
Она за Богом шла и пела
И мир крутила будто перстень.
Она звалась тогда — Венера.

Но вот в пустыне родилась
Другая Дева. Срок настал —
И в небеса она взвилась,
Вся — сердца теплый сеновал.
Шли три царя. Не понимали,
Куда идут и сколько дней.
И только знали, что зачали,
Что их самих родят вначале, —
Но и они родят теперь.
Венера в космосе кричала,
Что Человек — он есть мужчина.
Но ей блаженное мычанье отвечало,
Что Дева, Дева — Микрокосм.
Цвела сирень, как мозг безумный,
И птицы ахали крылами,
И я лечу туда и буду

Над теми, плача, петь полями —
Над зимними, где апельсинами
Лежат, измучены, как пахари,
Цветные ангелы — и синюю
Мглу рвут и охами и ахами.

СОЧЕЛЬНИК

1

Сестра, достань из сундука
Одежду Рождества,
Где серебром по рукаву
Замерзшая трава,

Ту синюю с подбоем алым,
Сестра, достань из сундука,
Накинь Сочельнику на плечи.
Не велика ль? Не велика.

Сестра, из проруби достань,
Из вымерзшей реки
Свеченьем тронутую ткань —
Где наши сундуки.

Не коротка ль? Не коротка.
Сестра, надрай-ка бубенцы,
Звезда вращается, кротка,
Воловьим глазом иль овцы.

2

Пускай войдет Сочельник
Младенцем в пеленах,
Оленем в снежный ельник
Со свечками в глазах.

Приди хотя бы дедом,
Проснувшись в гробу,
А мы тебя оденем
В ночь со звездой во лбу.

ЛЕВИАФАН

Левиафан среди лесов
Лежит наказанный на суше
Средь пней, осин и комаров,
Волнуясь синей мощной тушей —
Его я услышала зов.

Он мне кричал через леса:
— Приди ко мне! Найди дорогу!
И в чрево мне войди. Потом
Я изрыгну тебя, ей-Богу,

И я пришла. Он съел меня.
И зубы, что острее кинжала,
Вверху мелькнули. Я лежала
Во тьме горящей без огня.

Как хорошо мне было там!
Я позабыла все на свете,
Что там — за кожей его —
Есть солнце и луна, и ветер.

И только шептала: — Отчаль!
Брось в море свой дух раскаленный.
И он заскакал, зарычал:
— Ты лучше, ты тише Ионы.

Я позабыла кровь свою,
Все имена и смерть и ужас —
Уж в море плыл Левиафан,
Весь в родовых потугах тужась.

О, роды были тяжкие. Несчастный!
Кровавый небо сек фонтан.
Когда я вылетела в пене красной,
Как глубоко нырнул Левиафан!

* * *

Зеленый цветочек
В поле звенит,
Там не шмель, не кузнечик,
Там — царь Давид.
У него есть огненная лестница —
Ровно сто и пятьдесят ступеней,
Он ее закидывает в небо
И по ней танцует на коленях.
Прямо в небо, полное икрой
Звездной — в чрево рыбины разумной,
Ангелы, пленясь его игрой,
Свои жилы отдают на струны.
Но к утру он возвращается в цветок,
Лестница в гармошку вся уснула,
И опять он только сок, багровый сок,
И любовь царя-пчелы, Саула.

* * *

Что делать с жизнью небольшою,
Пришитой к сердцу моему,
Что делать с этой живорослью,
Что пятится, завидев тьму?
Зачем, Творец, ее в меня сослали?
Уж лучше б Вы ее держали
Как прежде — кошечкой в дому.
Зачем ее Вы баловали
И часто за ухом чесали,
А после сливки отобрали
И кличку тоже — не пойму.
Она мне сердце рвет и мучит
И все по Вас, Творец, мяучит.

* * *

Мир меня поймал врасплох —
Я никак не ожидала
Времени, часов и — ох! —
Тихого распада жала.
(Я б не согласилась,
Ускользнула б ловко,
Я бы не вживалась.
Это — мышеловка.)
Думала — все это шутки,
Я не думала — всерьез.
Расцветает пышно-жутко
Дерево стеклянных слез.

НА ЛЕТУ

Толкнулась и полетела
С десятого этажа.
Толпа нечистых крутила
Тело для грабежа.

Один визжал: "Возьму ручонку!"
Другие жадно пили кровь.
Душа? Душа пицала тонко —
Ее тянули, как морковь.

Уж не боюсь мне показаться,
Они кричали: Улюлю!
Протягивал мне черт объятая,
Кривляясь — мол: ловлю, ловлю!

ТЕЛЕГРАММА

Телеграмму во сне получила
За подписью — ”Силы, Престолы”.
На бланке простом официальном
О том, что я все же спасусь.
Я тонкою мучусь болезнью
Не первое тысячелетье —
Накожной расчесанной жизнью,
Уж не мечтая о смерти.
О Власти, Силы, Престолы,
Когда я войду в ваши хоры,
Лицо закрывая стыдливо,
Вы крылья мои отведете
Радужные, в разводах.
Я вам принесла подарок.
Смотрите, какой под горлом
Цветок золотой, зеленый.
Я кровью его поливала,
Кормила слезами и снами,
И если слегка он заржавел,
Простите неправду мою.

ОБРЕЗАНИЕ СЕРДЦА

Значит, хочешь от меня
Жертвы кровавой.
На, возьми — живую кровь,
Плоть, Любовь и славу.

Нет, не крайнюю плоть —
Даже если была б — это мало,
А себя заколоть
И швырнуть Тебе в небо.

Хоть совсем не голубица —
Захриплю я голубицей.
Миг еще пылает Жизнь,
Плещет, пляшет и струится.

Думала я — Ангел схватит
В миг последний лезвие,
Но Тебе желанна жертва —
Сердца алое зерно.

ЕЩЕ УРОК АББАТИССЫ

Аббатисса вбила доску
Между Солнцем и Луною
И воздвигла поперечник
(Мы стояли и смотрели) .
О, какой чернел тоскою
Этот крест на небе вечном.
Аббатисса оглянулась
И сказала мне — распнись!
"Нет, еще я не готова,
Не готова я еще,
Не совсем еще готова".
Лепетала, лепетала.
Аббатисса засмеялась:
"То-то, дети,
Как до дела — вы в кусты!
Будьте же смирней, смиренней.
Ну, идите, не грешите.
Утомилась я сегодня".
И шатаясь, она в келью
Побрела. Совсем старушка!

КАПЕЛЬ

Синь-дом, синь-дом —
Колокола,
Весна с трудом
Заплакала.
Печаль весны
Нагонит бес,
Но я от неба
Жду чудес.
Ведут к закланию уже
Веселого барашка,
А почка в тонкой кожуре
Трепещет, как монашка.
Ах, встать с колен,
Уйти отсель!
Где мой Верлен?
Да вот — капель.

* * *

В церковь сельскую — как умоляла! —
О, пустите переночевать!
Руки сторожу целовала
(Еще очень была молодая).
Говорил мне — сойдешь там с ума,
Ты оттуда выйдешь седая.
О, пустил бы! — Весь ужас нездешний —
Да и здешний — проглотила б, оставшись одна,
За иконой когда б зашуршало
Или с воем качнулась стена.
Ну а так-то по капле, по капле...
Лучше б сразу всю чашу до дна.

ИЗ МУРАВЬИНОЙ КУЧИ

На праздники мы выпили винца.
Ах, на Святой позволено немного!
И в сумрачные синие леса
Мы побрели, шатаясь, славить Бога.
Так высоко и льдисто — Серафима,
Так горячо и низко — Суламифь,
Как будто улететь могли из мира
Чрез голоса, но мы держали их.
Когда мы к горке муравьиной подошли
Вдали жилья, вдали дорог —
Вдруг Серафима навзничь повалилась,
Почти зарылась в темный их песок.
И — де профундис — так она молилась,
И так она из кучи той кричала —
Господь наш Бог! ОН ЖИВ! Он жив один!
Оцепенели мы. Мурашки рьяно
Среди ее разметанных седин
Рассыпались, по свитку ее кожи,
Как вязь старозаветная письмен.
И будто бы они кричали тоже,
Я слышала стеклянный ровный звон.

* * *

Я шла к заутрене. И звезды
Хрустели тонко под ногой.
Раскачивал рассветный воздух
Колокол Луны тугой.
Во тьме моей всходило Солнце —
Горячий внутренний таран,
Как шар златой вкачусь я в церковь
И напугаю прихожан.

К заутрене я шла. Светало.
А я всех раньше рассвела.
И никого не напугала.
— Ты пожелтела? Ты больна?

* * *

Как ляжешь, на ночь не молясь, то вдруг
Приляжет рядом бес — как бы супруг,
На теплых, мягких, сонных нападает,
Проснешься — а рука его за шею обнимает.
И тело все дрожит, томлением светясь,
И в полусне с инкубом вступишь в связь.
Он шепчет на ухо так ласково слова:
Что плотская любовь по-своему права,
И даже я — холодный древний змей —
Блаженство ангельское обретаю в ней.
Тут просыпаешься и крестишься — в окне
Мелькнуло что-то темное к Луне.
И ты останешься лежать в оцепененьи,
Как рыба снулая — в тоске и униженьи.

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Кручу молитвенную мельницу
Весенним утром на заборе,
Как сестры весело и радостно
Толпятся у разрытых клумб,
Одаривая землю жирную
Тюльпанов наготой подвальнойю.
А те — буренушек священных
На пастбище ведут, украшенных
И лентами, и колокольцами,
Те моют будд водою чистою,
Водой пещерной, ледниковую,
Те — чистят кельи, пол метут —
Захлопоталась перед праздником
Вся наша сторона буддийская!
И только я одна — бездельная
И больше ни на что не годная,
Верчу молитвенную мельницу,
В цветные глядя облака.

* * *

Мне было восемь лет всего,
Как я впервые полюбила —
И бабушке я говорила
(И тем ее развеселила) :
— Так не любил никто! Никто!

Перед иконою склонясь,
Теперь я повторяю то же:
— Никто Тебя так не любил!
Никто! Никто! Ты веришь, Боже?

* * *

Вижу — святой отшельник
Висит над круглым пригорком,
А склоны — клевером заросли,
Клевер — смешок земли, —
Клевер — ее хи-хи, белая кашка — ха-ха,
Отшельник парит над ними,
Забывши и званье греха.
Он висит, скрестив тощие ноги
Над веселым пригорком, молча.
Скажи мне, отшельник — где Будда?
Быть может, это — колокольчик?
Капустница? Иль шмель тяжелый?
Иль облако? Иль деревце?
Быть может, Будда — ты?
Быть может — я?
Быть может — я в его ладони
Щепотка разварного риса?

* * *

Вы ловитесь на то же, что и все:
Вино, амур, ням-ням, немного славы,
Не надо вам изысканней отравы,
Вы душу отдаете как во сне —
Так старый бес мне говорил, зевая,
И сплевывая грешных шелуху,
И за ногу меня в мешок швыряя.

МОЯ МОЛЕЛЬНЯ

1

Чуть Сатана во мне заплачет
Иль беса тянется рука —
В кулек невидимый я прячусь,
Молюсь я Богу из кулька.
Быть может, это — пирамида
(В ней царь простерся древний, длинный),
Которую ношу с собой,
Из жаркой выдернув пустыни.
И вот когда я в ней спасаюсь
(Так, чтобы было незаметно),
Ее ломается верхушка,
И чье-то око многосветно
Лучами льется в рук завершь —
С одра привставши, фараон
Кричит: „Молись, мы оба грешны!“ —
И снова в тяжкий полусон.

2

Свою палатку для молитвы
Я разбиваю где угодно —
В метро, в постели или в бане —
Где это Господу угодно.
Из легких ангельских ладоней
Невидимый воздвигся домик,
И пусть тогда меня кто тронет,
И упадет тот, кто догонит.

3

Могу себя я сделать крошечной —
Не больше стрекозы, цикады,

И вот лечу в алтарь кулешечный
Для утешенья и отрады.
К примеру, где-нибудь в трамвае
Она колени подогнет,
Влетит в кулак мне и поет,
Его дыханьем согревая.
Шепчу, как будто руки гревши:
„Молись за нас, мы обе грешны”.

ПЕРЕМЕНА ХРАНИТЕЛЯ

Мне было грустно так вчера,
От слез рукав промок,
Ночь напролет просила я:
„Приди, мой Ангел-Волк.
Слети, о серый мой, приди,
О сжался, сделай милость,
Такая боль в моей груди,
Такая глубь открылась”.

Легла я пред восходом Солнца,
Его дожидаться не сумев,
Вдруг из стены, что у оконца,
Сияя, вышел Ангел-Лев.
„А где же Волк?” А он в ответ:
„Он умер, умер для тебя,
Душа твоя сменила цвет,
Сменилась вместе и судьба.
Теперь я — Лев — защитник твой!”

Прошелся вдоль стены устало,
Сверкая шкурой золотой
И угольками глазок ало
Кося. И я ему сказала: „Ох!
Брат Волк! Ведь я тебя узнала!”
„Да, — Волколев ответил мне. —
Сестра, мы изменились оба,
Друг друга поднимая вверх,
Ты — как опара, я — как сдоба,
И вице верса. От двух опар
До твоего, сестрица, гроба
Во что, во что ни превратимся”.

Захохотав, открыл он пасти шар
Багровый (от усов озолотился).
„Расти меня. Зови! Почаще.”
И скрылся в блеске восходящем.

КАТАНЬЕ НА ЛЬВЕ

— Что вчера я ночью видела!
Может, я с ума сошла? —
Серафима говорит. —
Я в окошко посмотрела,
По двору огонь бежит.
Молния летит кругами.
В искрах страшный золотой,
Как двойное пламя.
Я крестилась и молилась,
И глаза я протирала,
А оно вокруг носилось,
Басом хохотало.
— Зря ты, зря ты испугалась,
То не страшные огни.
Это я на Льве каталась
Вдоль ограды, вдоль стены.

ЗА РУНОМ

В руке зажата змейка ночи,
И сжаты челюсти мои,
Слезы дымятся паром.
Седло накину на хребет дракона,
И мы несемся с ним
За солнечной травкой — туда,
Где Солнца бушует корона.

В своей постели голубой,
Земля, ты головокружишься,
Вид серый, жалкий и больной,
Но исцелишься.

Мой перелет тебе помог,
Дай пятку из-под одеяла,
Из бороды у Солнца клочок,
Я травки огненной нарвала.

ВЕСЕННЯЯ ЦЕРКОВЬ

Печальное постное пенье
Проникло легко под ребра
И сердца лампаду
Протерло
Ладонью.
Как будто я стала сама
Мягкою белою церковью,
И толпы детей и старушек
Входили, крестясь и мигая,
Мне в чрево и кланялись сердцу,
А сердце дымящим кадилом
Качалось, так мерно качалось.
Когда же они уходили —
В бурующийся снег полей
Храм под дождем опускался
И в сумерки растворялся
Замерзшим забытым ягненком,
Разорванной смятою грудой.
Печальное постное пенье
С врачебным презреньем вонзалось
Мне в сердце — и там оказалось
То же, что и у всех —
Тьмы потоки, безмерности малость,
Бог, завернутый в черный мех.

* * *

Ангелов дело такое —
Им бы только плясать,
А наше дело другое —
Стариться и умирать.
Ангелы знают — кроме
Радости — нет ничего,
А мы, мы разлиты в кувшины,
Как разное вроде вино.
Я знаю — о, Господи Боже! —
Что мучусь я оттого,
Что Ты не сумел другого
Создать из себя самого.

* * *

Быстрее молись, чтобы молитв
Друг к другу липли кирпичи
Сплошь, чтобы не было зазора,
Не уставай днем и в ночи.
Чтоб вырастал большой собор
Без окон и дверей. Ни щели.
Чуть замолчишь — внутри уж вор,
Нечистые скользнуть успели.

ЧУДИЩЕ

Я — город, и площадь, и рынок,
И место для тихих прогулок
Для перипатетиков-духов,
И ангельский театр, и сад.
Я — город, я — крошечный город
Великой Империи. Остров
В зеленых морях винограда.
Но что так стучат барабаны?
Враги подступили. Осада!
Я — тихий, и кроткий, и круглый,
И в плане похож на гвоздику.
Но что это трубы так воют
Протяжно, несчастно и дико?
И крики я слышу: „Смолу
В котлах нагревайте!
Ройте колодцы!”
Восходит косматое солнце.
Погибнет и крепость, и замок,
И вся наша библиотека,
Что мы собирали от века.
Вы слышите — Демон
Соблазна стоит при вратах.
А я в это время в башне
Торчала лицом к небесам,
Сдавленная кирпичами
По рукам и ногам.
Враги приближались, влажной
И грязной блестя чешуей, —
Отдайте нам чудище в башне.
И более ничего!
И тут была страшная битва,
И дым, и грохот — и снова
Наш город тихий

Живет задумчивой жизнью,
Похожий с высот на гвоздику,
Империю остров великой,
И перипатетики-духи
Гуляют в прохладных аллеях,
И чуткое чудище в башне
Их слушает странные речи.

ЭКОНОМКА

Закат точильщиком склонился,
Остря блистающие вербы,
Смотрела в Солнце Экономка,
Губу прикусывая нервно.

— Сестра, мне кажется, что Солнце
Не там садится — право! право!
Оно всегда за той березой,
А нынче забирает вправо.

— И звезды учишь? — Подняла
Она из пыли хворостинку
И, как овечку, погнала —
Левее, Солнышко, скотинка!

ТЕОФИЛ

У нас в монастыре
Крещеный черт живет —
То Псалтирь читает,
То цепь свою грызет.

Долго он по кельям шалил...
С Серафимой... Молод еще.
То сливками в пост блазнил,
То вlepится в грудь ей клещом.

Серафима с молочной бутылкой
Вбежала ко мне:
Смотри, говорит, поймала —
Дрянь какая на дне.

А там бесенок корчится
Размером с корешок,
Стучит в стекло пчелою,
Рук не жалея, рог.

Горошинки-глазенки
С отливом адской бездны
Сверкают — ой, пустите!
Я улечу! Исчезну!

„Что мы с ним делать будем,
Когда он в нашей власти?
Ты, бес, летать-то можешь?“ —
„Приучены сызмальства, —

Он тонко отвечает, —
Да вас не повезу!“
Но мы тут смастерили,
Накинули узду.

Поводья привязали
Из тонкой лески,
Хоть крутился, кусался,
Вытянули беса.

Серафима говорит:
„Стань побольше, будто конь!
Эх, куда бы полететь?
Ну, давай, бес, на Афон”.

Понеслись, полетели,
Будто молния вдали,
Да монахи им не дали
Коснуться Святой земли.

Никчемушный, непригодный,
Жалкий бес!
Сам и виноват — в бутылку
Ты зачем полез?

Мы его отнесли к Аббатиссе.
Та взглянула, сказала — сжечь!
Но, впрочем... Для поученья
Можно и поберечь.

„Веруешь ли?” — спросила.
Черт затрясся, кивнул.
„Хочешь, чтоб окрестили?”
Он глубоко вздохнул.

Отнесли его в церковь, крестили,
Посадили на цепь,
Дали имя ему Теофила —
И на воду и хлеб.

Что ж, и злая нечистая сила
Тоже знает — где свет и спасенье.
И дрожит тенорок Теофила
Выше всех сестер в песнопеньи.

Кланяется, не боится креста,
Но найдет на него — и взбесится.
Пред распятым завоюет Христа
И — следи за ним — хочет повеситься.

Так он с год у нас жил и томился,
Весь скукожился и зачах,
То стонал, то прилежно молился
Напролет всю ночь при свечах.

Заболела нечистая сила,
Помер, бедный, издох.
За оградой его могила.
Где душа его? Знает Бог.

* * *

Я вчера псалмы читала ночью
Над покойником — фабричным счетоводом.
Было холодно. Луна светила яро,
Тени по стене перебегали,
Медленным водоворотом
Меж бровей покойника крутились.
Я читала, а читать мешала
Мне душа покойного, садилась
Прямо на страницы и шумела,
Все она ругмя ругала тело.
А покойник супился печально.
„Что же ты со мной, душою, сделал?
Ты же Будда! Ты же мог быть Буддой!
Он же Будда!” — мне она кричала.
Я ж читала твердо и крестилась.
А покойник супился печально.
„Что же ты со мной, душою, сделал?
Жил как с нелюбимою женою,
Как с женой глухою и забитой.
Ну, так и лежи теперь, как ящик
С драгоценными камнями, с жемчугами,
Но в земле зарытый, позабытый.
Ты меня глушил вином, работой,
Болтовней и грязною любовью.
Я тебе кричала, говорила
Изо всех твоих священных точек.
Ты не слушал — вот теперь томись.
Мне, задушенной и сморщенной, куда,
Покалеченной, куда теперь деваться?”
Так она кричала, выла, ныла,
А покойник супился печально.
Он лежал небритый, очень острый,
С белой розою бумажною в кармашке.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О ВДОХНОВЕНИИ

1

Когда я стихи говорю
В келье, в пустыню ночи
Слетается целое воинство
И образует Ухо.
Я перед ними — кочет
Жертвенный. Голошу.
Мелькают бледные, садятся ближе,
Подобны торопливому ножу.
Средь них — как в облаке — себя я вижу,
Им жизнь дика, я жизнью дышу.
И думаю — за что ж мне эта сила?
Мне, жалкой, а не светлым им?
Да потому же — что цветок из ила,
Из жертвы кровавой молитвы дым.

2

Когда белое Солнце восходит Луной
(На Луне живут Заяц и духи),
Крови темный прибой
Подползать начинает глухо.
Пена морская тогда на губах,
Мечется ум фрегатом — совсем плох.
Где же я? В луне? корабле? волнах?
Где же я? — по слогам повторяет Бог.

* * *

С тела жизни, с ее рожи
Соскользну — зовут. Сейчас!
Как ошметок наболевшей кожи,
Под которым леденеет третий глаз.

ОГНЕННЫЙ УРОК

Мальчишки на заднем дворе развели
Живой огонь из ящиков и тряпок,
И он гудел, как сердце, и сиял —
Напрасно март в него слезами капал.
Мы с Аббатиссой мимо шли, и я
Все плакалась и хныкала, и ныла
Про жалкую и к жалкому любовь,
О том, что не совсем я мир забыла.
Ей надоело. На руки меня
Схватила, как беспомощную мышку,
И в сердцевину жидкую огня
Швырнула. „Во дает!” — пропел мальчишка
И бросился куда-то наутек.
А я горящий приняла урок.
Мне Аббатисса говорила так:
„Терпи, терпи, миг — пустяк!
Горя — дитя, гори — старушка.
Расчесанной души
Бинтом огня перевяжи
Все язвы, зуды,
Намажься жаром,
Огня тоской”.

И наконец меня оттуда
Кривою выгребла клюкой.
„Дитя, не больно? Саламандрой
Была ты в прошлом. В настоящем
Я поменяла твою кровь
На пламень легкий и кипящий”.

Я стала новой, золотой,
Звенящею, странноприимной.
Огонь трещал, а мы пошли
В обитель, напевая мирно.
Я стала крепкой, золотой,

Какими идолаы бывають,
Когда они вдруг забывают,
Что сами были — Бог простой.
Когда на взгорьях средь лесов
Стоят, упершись лбами низко,
Забутые. Вдруг из боков
Полевка прыснет с тихим писком.

* * *

Я читаю псалмы над самою собой,
Над ладонью, над белой рукой,
Над сплетением линий, над Волей, Судьбой.
О забудь, о забудь свое счастье и горе,
И расступится Жизни Чермное море!
На глазах у себя превращаюсь в костяк,
Сползает от пенья плоть.
О, как скоро все будет пыль.
И земля, и звезды, и даже Огонь
Воды не переживет.
Я оставила все —
Как моряк на утопшем своем корабле —
Деньги, паспорт, одежду,
И долго кружилась в море, держась за весло,
И не чаяла жизни уже, но течение
К островам Блаженства несло.

ДИТЯ ПОСТА

Наконец, смирилась,
Наконец — умалилась.
Видно, это угодно Богу.
У себя на руках уместилась,
Отнесла в собор к порогу.
Положила на паперть дитя поста —
В лед молчанья,
В воду покаянья,
В весеннего в трещинах снега стекло.
Не в отца — слабосильно
И слезами обильно,
В мать — провал лица.
И совсем оно —
Спуск куда-то вниз,
Где темным-темно.
Беру я как мертвец
Дар пустоты — и мир
В игольное ушко
Сочится глаз моих.

ИГРА

Стою за вратаря — а бесы бьют
Мячом соблазна — чтобы пропустила,
И, отбивая, прыгая весь день,
Лицом в траву упала — нету силы.
О, тут они сбежались всей гурьбой!
И, гомоня и окружив кольцом,
С расчетом лупят сблизы — чтоб
Похлеще мне окрованить лицо.
Но не дождетесь — шейей, языком,
Глазами отобью я — чем угодно.
Я знаю — проигравшему в огонь,
А Богу — победители угодны.
Тут мне на помощь выступает Лев,
Он их пронзает золотой стрелою,
Они кричат и корчатся, а Он
Мне лечит раны жаркою слюною.

МЕЖ "Я" И "ТЫ"

Снятся мне до сих пор светские сны,
Грешным делом — даже постом,
Вот сегодня — будто бы на бегах
Ставлю на лошадь по кличке „Потом”.
О Боге я думала — где Он? — бродя по двору,
Вдоль стены кирпичной, ворот.
То к дереву никла, то к нутру.
И когда он меня позовет.
Что он мне ближе отца, сестры,
Но не бренного моего ребра.
Все искала я слова — роднее, чем „ты”,
И чуть-чуть чужее, чем „я”.

ОЖИДАНИЕ

В наше кладбище с древних дней
Ложатся святые, девицы, старухи,
Проросло камнями, на буквах — цвель,
Сирени тянутся вниз руки
Взбить эту черную постель.
Рассказывали сестры — что когда-то
Чудное было здесь явленье —
Все слышалось из могилы святой
По ночам — флейта, смехи и пенье.
Ну не вынесли — стали копать,
Видят — щели в гробу светятся,
Будто свет там горит внутри.
Подумали — бесы бесятся.
А великого старца домовина была,
И они его громко спросили:
„Слышишь, отче? Во имя Христа —
Не обидишься? — мы б отрыли”.
Доски подняли — там горит свеча,
А старец смеется, сидит,
Рубаха сотлела, сползла с плеча,
И веселый, как пьяный, на вид.
А гроб и вправду полон вина
И его, как лодку, качает.
Старец весело им говорит:
„Воскресения мертвых чаю.
Уж близко, близко, заройте скорей,
Не мешайте праздновать тут.
Я слышу, слышу предпенье трубы,
И ангелы обновленье несут”.
Я с тех пор, как мимо иду,
Наклонюсь, крестясь от прельщенья, —
„Отче, скоро ль?” — И слышу гул,
Будто ветер из-под земли: „Мгновенье!”.

* * *

Братец Волк! Братец Лев!
Ох, держите меня под руки —
Сейчас я буду восклицать!
Как слова ждут! Как некоторые жаждут
Окно ножом под горлом открывать.

Братец Волк! Братец Лев!
Бог, как ночная рубаха,
К телу прилип —
Сорочка счастливая
Вдохновенья и страха,
Сердца морской прилив.

Братец Волк! Братец Лев!
Вдохновенья запой — запила.
Ноги мягкие, как водоросль,
Кровь пьяна!

Не отличить — как слово переходит
В огонь и воздух. За спиною ждут
Так нежно — будто демон с человеком
Как близнецы сиамские живут.

ВОРОН

Старый Ворон сердце мое просил,
Воронятам своим отнести —
„А то закопают в землю тебя,
Мне уж не выскрести”.

„Злая птица, — ему отвечала я, —
Ты Илью кормил и святых,
А меня ты сам готов сожрать,
Хоть, конечно, куда мне до них”.

Отвечала птица: „Вымерзло все кругом.
Холодно, греться-то надо.
Я сердце снесу в ледяной свой дом,
Поклюют пусть иззябшие чада
Не шутка — три сына и дочь...”

Я палку швырнула в него: „Прочь!”
Ночью проснулась от боли в груди —
О, какая боль — в сердце боль!
Спрыгнул Ворон с постели, на столик, к дверям —
С клюва каплет на пол кровь.

В БАНЕ

Вчера, вчера топили баню,
И, крепко веником хлещась,
Все становилась я грязнее,
О, бело-розовая грязь!

Но все же, все ж таки — по контуру
Легчающих нагих телес
Двойник золотой протерся, огненный,
Через поры лавою пролез.

Кругом же банный чад парил,
Как ладан грубый, — виноваты,
Все терли бедный свой мундир,
Новили кожаные латы.

И двойника я пламенеющего
Обратно втерла рукавицей,
Бросая в вечер, маем веющий,
И ржавый веник свой лысеющий,
И скользко тающее мыльце.

* * *

Вот праздник Поста гремит,
Как воды поток.
Стала я пустой, как водосточная труба,
Как барабан.
Выбивают руки мои
На боках — песню.
Как воды поток,
Пост меня омыл —
Он сползает вниз,
Унося старую кожу.
„Постой, куда,
Человек ветхий?“
Вот уже Поста
Половина,
И я половиной чиста,
Половиной — змея,
Мелюзина.
Но надеюсь я,
Что к его концу
Стану я гола,
Как из почки лист.
Обступила меня
Пустынников тьма,
Из египетских, темных,
И пригоршнями прямо в глаза, в висок,
Прямо в нежные глубины ума
Раскаленный и томный
Швыряют песок.

* * *

Каялась я — по шее ладони ребром
Лупила, хлыстом обвивала тело —
Много раз заходило Солнце во гневе моем —
И добра своего жалела.
Наедалась и в пост досыта
И грешила, бывало, вином.
Даже Солнце светить мне стыдится,
Иногда — как ударит лучом.
Только дождь не жалеет горючих,
На меня не жалеет слез,
И паук с презреньем паучьим
Свой домик к другим перенес.
Мнится мне — так я извратилась, —
Страшна, как непогребенный.
А гляну в зеркало — иногда
Лицо, как у просветленных.

ЗА РАБОТОЙ

Мне призналась сестра — бородатая Фрося:
„Вот ты видишь, что я некрасива, как грех,
Бородавка под носом — с грецкий орех,
Бороденка щетинится грубым покосом.
Даже бабушка, мать не любили меня.
И в кого я уродом таким уродилась?
Я взывала бы к Богу, молилась,
Но Богу — как ты думаешь — тоже ведь я не нужна?
Вот когда б красоту принесла и швырнула
На алтарь, как овцу, —
Так другое бы дело...”
Мы корзинки плели. „Ты б отдохнула —
Скоро в церковь, и прутья к концу”.
Мы на службу пошли. На закате
Фиолетово церковь нежна.
„Полно, полно, сестра, тебе плакать,
И ты тоже Богу нужна.
Ты молись так: ”Боже, Царь!
Если б дал Ты мне шелк и парчу и злато,
Я бы все принесла на алтарь,
Но Ты дал мне сермяжку и жабу —
Вот я все, что могу, отдала.
Ты зачти, как вдове, ее лепту...”
Отшатнулась она от меня,
Дико вскрикнула, как эпилептик:
„И сама ты не больно красива,
И не очень-то молода.
Я-то думала — ты мне подруга,
А ты жабою назвала!”
Зарыдала она, побежала
И рыдала в весенних кустах.
Я за ней: „Ах, прости! Ты прекрасна!
Ей-же-ей — на закате, в слезах!

Я завидую тебе,
Бороды твоей кресту,
Я б с тобою поменялась —
Не держусь за свое „я”.
Что такое „я”? Фонтан
В океане. Бульк и сгинул — мириады.
А мы мучимся, горим,
Будто запертые ады”.
Так я долго бормотала —
Слезы вытерла она и сказала только: „Ах!”
„Я клянусь, что ты прекрасна
С лентой бороды, в слезах!
Ну, прости, в последний раз!”
Колокола длинный бас.
И пошли мы с нею мирно
В церковь, что ждала уж нас,
Как купца Багдад иль Смирна.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ, КОНЧАЮЩИЕСЯ СЛОВОМ "СЛЕПОЙ":

В иноке ухватка хороша
Ловкого борца, мастерового.
Знает, потрудясь, его душа
Хитрости, приемы беса злого.
Он твердит Иисову молитву
Так, как сеют, машут до заката.
И когда уснет — душа на битву
То ж твердя, идет, сменяя брата.
Четки приросли к его рукам,
Свечи зажигаются от взгляда,
На псалом плечом — как на таран
Он наляжет, бьет в ворота ада.
Бденьями, постом смирилось тело,
Служит, тихое, как леснику топор,
Как крутящий жернова по кругу
Кроткий мул — двужильный и слепой.

ПРОЩАНИЕ СО ЛЬВОМ

Сказала я Льву, что метался по клетке моей:
„И так мы, люди, как звери.
Не хочу я помощи дикой твоей!
Пусть Ангел станет при двери”. —
„Ах так! — Лев сказал. — Пожалеешь еще.
Когда позовешь — приду ли!”
И, взрыкнув, когтями стуча, ушел,
А я, поплакав, уснула.
С тех пор мой Хранитель невидим мне.
Спрошу — да где ж он? Да вон где!
Как облако — на плече, на стене,
Как солнце сквозь веки в полдень.

Однажды во сне сказал: „Это я”.
Узнала — зерно, души водопой
Тот, к кому я прильну в мраке небытия
Иероглифом кости слепой.

ЧАСТУШКА

Проглоти, душа, молитву.
Выручи — чтоб твердо знать,
Чтобы мне — как свет покину —
Сразу же ее сказать.

* * *

Выгоняли меня, говорили — иди!
Спасайся, сестра, где знаешь,
А нас ты, сестра, ужасаешь.
Разве вы петуха прогоняли,
Как, хрипя, по ночам орал?
Разве вы звезду уносили —
Когда луч ее страшно дрожал?
Как же я отсель уйду?
Я поволоку с собою
Как ядро на ноге,
Как сурка на плече
И лису под рубахой —
Монастырь весь.
Уйду — за мной по горам и долинам
Монастырь ваш на цепи поволочится,
А трястись весь тяжкий путь мой длинный
Сладко ли вам будет в нем, сестрицы?
Лягу в поле спать —
Под голову положу —
Хорошо ли вам будет на голой земле?
Нравятся мне только два,
Только два жития мне привычны,
Схожие между собою весьма —
Иноческое и птичье.

* * *

Стою ли на молитве или сплю —
Лукавый — он не дремлет, он бессонный,
И шепчет про забытую любовь —
Без имени, без облика, а вспомню.
Как будто бы меж ребер втиснут гроб —
Такой, что он и виден только в лупу,
А в нем — нагая жирная любовь
В твоих ботинках, с бородою глупой.
Чуть пошевелится любовь — я вниз
За плечи уложу покойницу уныло —
Лежи, лежи! Ты у меня проснись!
Ты — синяя, ты вся давно остыла.

ЗВЕЗДА В ОКНЕ

Звезда, волнуясь, перешла
За крестовину переплета —
Как будто вынесла волна
Вверх колокольчик перемета.
Вся в каплях темной-ой-воды
Из забвения, из древней бездны,
За переплетом умерла,
В стекле неровном ты воскресла.
Звеня, лепечет мне: „Вонми —
Совсем не страшно, ты не бойся,
В колодце вечности умойся
И голову приподними”.

СТАРИЦА

Задумавшись, иголку проглотила
Я в супе. Может, Солнца лучик?
А может, просто волос поварихи?
Но что-то колет изнутри и мучит.
Я не заметила — а вдруг игла простая,
Нагая, острая — а вдруг? о, ужас!
О, старица врачебная золотая!
К ней в келью я скорей метнулась.
Пахнет
В келье ее святой
Дутом, ладаном
И весной.
Она спала и тяжело простонала,
Должно, грядущее влилось ей в сон,
И руку выпростала из-под одеяла,
Что не истлеет до конца времен.
Она проснулась вдруг и просияла,
Меня увидев, — будто с вестью ангел
Пред ней стоял, мне стыдно стало.
Она мне меду наскребла из банки.
Заговорила, как судья и грешник,
Как оксфордский профессор (Оксфорд там,
Где тривиум преподают
Скользящим в небе школярам) ,
Как хоровод детей пророчущих блаженных,
И голова кружилась — я ушла,
Поцеловав ей руку. Говорила
Мне вслед она: „В обрезанное сердце льется Жизнь,
Любовь и дух, и царствие, и сила,
А что-то колет — плюнь и веселись”.
Ну я и плюнула. У ног лежала
Игла, светясь мертво и ало,
И с нею в лес я, к змейкам, побежала:
„Где нищая? Я подарю ей жало”.

БЕЗ ВДОХНОВЕНЬЯ И ТРУДА

Без вдохновенья и труда —
А просто жилы развязала,
Веселой рыбкой в неводах
Я на хвосте, хвосте плясала.
Вода — фонтаном из ума,
И пролилась — в дрожащий ум,
Я в ней плясала до утра
Среди двора — ни чувств, ни дум.
Живая, страстно-ледяная
Вода — из глаз и из ушей
И изо рта — как бы из бездны,
Сейчас поднимет Божье имя
Со дна глубокого морей —
Все закружится и исчезнет.

КОШКА

Пред пышною болезнью лета,
Пред тем, как зеленеть, бывает
Такая ночь — все замирает.
Земля как будто зажигает
Фитиль расцвета — а сама,
Зажмуриваясь, отбегает.
Всю ночь визжала под окошком
Надсадно Мурка, наша кошка,
Хоть я ее увещевала —
Она мешала и орала.
„Зачем кричишь так страстно, низко —
Уймись!
Ты монастырская же киска —
Молись!”
В нее и камнями швыряли,
А все орет, как одалиска,
Как будто валерьянку в миску
Ей подмешали.
Как будто помыслы греховные,
Когда мы рыбу ей ломали,
Скользнули с пальцев и упали
В ее доверчивую пасть.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ СТРАСТНОЙ

Страстная идет по ступеням тяжелым,
По каменным — в человечесий рост,
И вдруг исчезает она — под гуденье
Разбивчатое — у звезд.
Быть может, и дальше идет — не видно.
Обидно. Но глаз мой плох.
Монашкой закутанной шла — на вершине
Все скинула — видно, что Бог.

СЕСТРА-ЯБЛОНЯ

Кипарис в Гефсиманском саду
Не так печален, как ты,
Сестра моя бедная, Яблоня,
Белея среди темноты.
Как в пост ты худеешь, сушеешь,
Как ветки крестами ломаешь,
Не раньше ты лист выпускаешь,
Как звякнет высоко — Воскрес.

Мы долго с нею стояли,
Вздыхали и громко молчали,
Так громко — как будто стучали
Внутри сторожа в колотушки.
Поправила я ей солому,
Погладила ствол и пошла,
Псалмы распевая,
Не вдруг понимая, —
Что вижу рассеянным зреньем,
Что рядом кто-то идет.

Смотрю — это Яблоня рядом
С усилием скачет на ножке,
На белой и длинной, и плачет.
„Увидят! Нельзя! Обидят!
Пойдем, я тебя провожу.”
И тихим, покорным животным
Она поспешила обратно,
На руку мою опираясь,
На место свое у ограды
И прыгнула крашеной ножкой
В замерзшую темную лунку.

Поправила сбитые ветки
Я ей, корешки утеплела,
Шепнула: „Не делай так больше.

Обидят''. Она мне кивнула.
Блаженная! Замерзшая! Не век же так!
Ты скоро расцветешь цветами мягкими,
Где крестик золотой внутри качается.

О НЕЙ ЖЕ

Я ей просфоры приношу,
На ветку вешая, а утром
Уже я их не нахожу --
Должно быть, птицы их уносят.
Стоит -- как будто на бегу,
Стоит, чудесная, в снегу --
Смоковницы ли антипод?
Раз в Рождество в мороз пришла
Я к ней, вдруг -- стук! --
Упало что-то на кlobук --
Зеленый тонкокожий плод.

ДУРАЧОК

Привезли убогого —
Излечить в монастырь,
Чтоб от жизни промоленной, строгой
Сошла его дурь.
Будто свечки втыкает в плечи —
Так он крестится, дурачок,
И из глаз его синие реки
К Богородице наискосок.
Он ей шепчет тихие речи
Все бочком, как побитый щенок.
Будто Бог его манит — он ближе,
Вот, шатаясь, встал на порог
Дома царского. „Благослови же!”
„Дурка, дурка, ведь то ж дурачок!”

ДАЛЕКИЕ СТАРЦЫ

Вот я лежу на дне колодца
Самоиграющею лютней:
„Святые, видите меня
Вы на горах своих лиловых?“
И шепотом, но бестелесным,
Но световым таким шуршаньем
Они мне отвечали: „Видим
Чрез шар летающий хрустальный
И даже иногда играем
На струнах мы твоих
Иной раз“.

* * *

Дни перед Пасхой, дни Поста
Гармошкой со-разводятся,
То становлюсь я, как черта,
То все во мне расходится.
Вот-вот совсем я растворюсь,
Заброшусь в неба чан тряпицей
И облаками разбежусь,
И клювом размешают птицы.

* * *

Прости, Господь, — Ты был Фазан,
А я — охотник, стынущий в тумане.
Он слышит голос, щупает колчан
И сам себя нашел в колчане.
И выстрелил. Лечу так высоко
Стрелой звенящею зеленою, как птица, —
О если б мимо! Если б в молоко!
Сломаться бы! О уклониться!

Но вот — Фазан, охотник и стрела
Стремительно меняются местами.
О, встречи миг — когда она вопьется, —
Все закричит, все разобьется,
Исчезнет все под небесами,
И сами небеса, и сами.

НОЧЬ НА ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

В поварне красят яйца
И молчат.
Я краски разотру
И выйду в сад —
Мне руки черными
От краски показались.
Как тонок иней на земле,
Деревья сжались.
Глядит в сторонке Марс,
Забравшись на насест, —
К утру все звезды
Станцевались в крест.
Затихло все — от ангелов
До малых сих,
И даже мира Князь,
Я чувствую, затих.
Две тыщи лет назад
Он ранен был,
Как треснул ад.
Он так вопил,
И мечется — ведь раны злее
С годами, злоба тяжелее.
Сегодня же и он уполз,
И грех примерз.
Весна. Мороз.
От тихости и скорби
Этих мест
К утру все звезды
Станцевались в крест.

ВОСКРЕШЕНИЕ АПОСТОЛОМ ПЕТРОМ ТАВИФЫ И ПОПЫТКА ПОДРАЖАНИЯ

— Ты, Петр, слышал?
Тавифа наша умерла.
Так хорошо она пряла,
И вот — не дышит.

Она — как точка, девы — кругом,
И Петр среди ее подруг
Глядит на корни своих рук
С испугом.

Он сомневался:
„Природы чин! Я не могу!”
А огненный язык в мозгу
Лизался.

„Ты можешь! — Сила распевала. —
Ну, в первый и последний раз!”
Он поднял руки и потряс,
С них Жизнь упала.

Как пред рассветом неба склянь,
Он белый был, как после тифа,
Он прокричал: „Тавифа, встань!
О, встань, Тавифа!

Тавифа, встань”, — он прошептал.
О, благодати холод, милость!
По векам трепет пробежал,
Глаза испуганно открылись.

И дева вновь живет. Жива.
Но уж она не вышивала,

И никого не узнавала,
И улыбалась на слова.

Ее слезами моют, жгут
И нежно гладят. Все без толку.
Такие долго не живут.
Да ведь и Лазарь жил недолго.

...Я это видела в мечтаныи,
В дали отчетливо-туманной,
Когда на службе мы стояли.
Покойника мы отпевали.
Скаталось время в дымный шар,
В шар фимиамный.

И в дерзновеньи и пыланьи
К покойнику я подошла,
Руками я над ним трясла,
Ему крича: „О, встань! О!”

Тень пробежала по глазам,
И кончик уса задрожал,
Но он не захотел. Он сам!
И потемнев еще, лежал.

„Сошла с ума! Вон, вон скорей!
Сошла с ума! Мешает пенью!”
И вытолкали из дверей.
Что ж, хорошо — оно к смиренью.

Он сам не захотел! Он сам.
Он дернулся, как от иголки,
И вытянулся — лучше там.
Из света в тьму? И ненадолго?

В ТРАПЕЗНОЙ

Тень от графина с морсом. Скатерть
Краснеет воще. Пейте. Ешьте.
Когда уж надобно заплакать,
То и чик-чик скворца зловеще.
И мясо черной виноградинки,
Как сонный глаз, как в детстве Жизнь.
А я и ягодки не съела,
И жизнь — видением чужим
Смотрела.
Что-то есть не хочется,
А уж тем более под пенью.
Я хлеб крошу и вспоминаю
Свои протекшие рожденья.
Не дай Бог — птицей. Свист крыла
Как вспомню и ночевку на волне,
Боль в клюве и как кровь текла
Скачками. Птичьего не надо мне!
Была я пастором и магом,
Мундир носила разных армий.
Цыганкой... Больше и не надо!
Сотлела нить на бусах Кармы.

* * *

О, небо! Небо! Грустно мне!
И вот ты вынесло, умильное,
И выставило на окне
Все серебро свое фамильное.
Денницу я и Веспер знаю,
Блеск летний, зимний мне знаком,
Кассиопея на сарае
Присела крупным мотыльком.
Но за крыло ее магнитом
Потянет в подземелья тьму.
Как умирают деловито,
Ложась к народу своему!
А хорошо ль прилечь к народу
И с кровью тесною смешить
Свою просторную свободу,
Блаженство с Богом говорить?
Я книгу Жизни прочитала,
Касаясь кожаных доспехов,
Но я могу начать сначала
Внимательней, теперь не к спеху.
Как Книгу книг раввин читал,
В местечке Богом позабытом,
Со свечки не снимая гарь,
И каждый знак пред ним сиял
И как подъем, и как провал,
Как ангел, цифра, храм разбитый
И как вертящийся фонарь.

ВОСПИТАНИЕ ТИХИХ ГЛАЗ

О, монастырские глаза!
Как будто в них еще глаза,
А там еще, еще... И за
Последними стоят леса,
И на краю лесов — огни.
Сожжешь платочек, подыми.
Они горят и не мигают,
Они как будто составляют
Бок треугольника. Вершина
Уходит в негасиму печь.
Там учатся томить и жечь.
Окатные камни вроде,
От слезной ясные воды.
В саду очей, в павлиньем загороде
Они созрели, как плоды.

САТОРИ*

Не было предчувствия
И памяти не будет.
Прошное — птицам,
Будущее — стрекозам.
Пятница. Солнце. Дождь.
Леса, сияя, мылись,
И под дождем собор процвел.
Глазами, крыльями
Все стены вдруг покрылись.
Никто не увидал — все от дождя укрылись.
О, сестры! Духи!
С туманом я играю!
Духи! Мне весело,
Я умираю.
Душа моя, ты стала чашей,
В которую собирает нищий
Слепой, живущий при кладбище,
Пятак и дождь, и фантики пустые,
Обломки солнца золотые —
Объедки херувимской пищи.

---

* Внезапное просветление.

МЕДВЕДЬ

Я хозяйка себе
(А не плоть, а не персть),
Вот вскопала себя
И посеяла шерсть.
Вся от глаз до пят
Мехом поросла
Густым и мокро-волосатым.
В каждой волосинке — ость.
Дай мне знак!
О, теперь я заставлю тебя!
Медведь!
Страшный гость.
Вот я небом мчусь,
Реву, ищу.
Глазки медные смотрят внимательно.
О, теперь я найду. Я дождусь
От тебя — хоть рогадины.

КОРМЛЕНИЕ ПТИЦ

С тарелки блеклой оловянной
Я птиц кормила за оградой
В сосновом преющем лесу.
Печаль! — о вдруг
Меня печаль пронзила,
Когда тарелку подносила
К несатым тяжким небесам,
Как будто край этой тарелки,
Полуобломанной и мелкой,
Вонзился в грудь мне
И разрезал,
И обнажил
Мою оставленность Тобою —
Всю, всю.
(А пятки пели и стучали
И тихо землю колотили —
Вот на тебе! вот на тебе!)
О Боже, я Тебе служу
Который век, который лик.
Кричу, шепчу. Не отозвался
На писк, на шепот и на крик.
О, на кого меня оставил?
Мне холодно! Я зябну! Стыну!
На красноглазой злой земле —
Зиянье я, провал, пустыня.
А пятки землю отшвырнули,
И полетела к облакам
Я вдруг с тарелкою протянутой,
С кусочком черствым кулича.
Мелькнула птицею в пруду, —
Щетина леса, ноготь крыши,
Чрез облака и дальше, выше,
Куда-то к Божьему гнезду.

СКИТ

Куда вы, сестры, тащите меня?
Да еще за руки и за ноги?
Ну, пусть я напилась, была пьяна...
Пустите! Слышите! О, Боже, помоги!
Но раскачали и швырнули в ров,
Калитка взвизгнула и заперлась,
И тихо все. Я слизывала кровь
С ладони и скулила — грязь
Со мной стонала, пузырилась ночь, спекаясь,
Шуршали травы.
Лежала я, в корягу превращаясь.
Господь мой Бог совсем меня оставил.
Мхом покрываясь, куталась в лопух.
Вдруг слышу я шаги, звериный дух,
И хрипящий голос рядом говорит:
„Раз выгнали, пойдём поставим скит”. —
„Ох, это ты! Ты огненный, родной!
Меня не бросил ты, хмельную дуру!”
Мы в глухомань ушли, где бьется ключ,
Лев лес валил и тотчас его шкурил.
Мы за три дня избенку возвели
И церковь — полый крест, как мне приснилось —
В мой рост и для меня, чтоб я вошла,
Раскинув руки, в ней молилась.
Пока работали, к нам приходил медведь —
Простой медведь, таинственный, как сонмы
Ночных светил, —
И меду мутного на землю положил.
Он робкий был и так глядел — спросонья.
Лев мне принес иконы, свечек, соли.
Поцеловались на прощанье мы.
Он мне сказал: „Коль будет Божья воля,
Я ворочусь среди зимы”.

Встаю я с Солнцем и водицу пью,
И с птицами пою Франциску, Деве,
И в темный полый Крест встаю,
Как ворот, запахнувши двери.
Текут века — я их забыла
И проросла травой-осокой,
Живой и вставшею могилой
Лечу пред Богом одиноко.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издателя	6
Письмо сестры к издателю	7
Собственно труды сестры Лавинии	
Ипподром	8
„Слышу, как душа моя дышит...”	9
„Храм тем больше храм, чем меньше храм он...”	10
„Жизнь семерична, восьмерична, гнута...”	11
„Свое мучение ночное...”	12
„Я подругу умершую видела...”	13
Ангел-Волк	14
„Зачем я мучила январь?..”	15
„Так свет за облаками бьется...”	16
Уроки Аббатиссы	17
Темная рождественская песнь	19
Сочельник	21
Левиафан	22
„Зеленый цветочек...”	23
„Что делать с жизнью небольшою...”	24
„Мир меня поймал врасплох...”	25
На лету	26
Телеграмма	27
Обрезание сердца	28
Еще урок Аббатиссы	29
Капель	30
„В церковь сельскую — как умоляла!..”	31
Из муравьиной кучи	32
„Я шла к заутрене. И звезды...”	33
„Как ляжешь, на ночь не молясь, то вдруг...”	34
Перед праздником	35
„Мне было восемь лет всего...”	36
„Вижу — святой отшельник...”	37
„Вы ловитесь на то же, что и все...”	38
Моя молельня	39
Перемена хранителя	41
Катанье на Льве	42
За руном	43
Весенняя церковь	44
„Ангелов дело такое...”	45
„Быстрее молись, чтобы молитв...”	46
Чудище	47

Экономка	49
Теофил	50
„Я вчера псалмы читала ночью...”	53
Два стихотворения о вдохновении	54
„С тела жизни, с ее рожи...”	55
Огненный урок	56
„Я читаю псалмы над самой собой...”	58
Дитя поста	59
Игра	60
Меж „Я и „Ты”	61
Ожидание	62
„Братец Волк! Братец Лев!”	63
Ворон	64
В бане	65
„Вот праздник Поста гремит...”	66
„Каялась я — по шее ладони ребром...”	67
За-работой	68
Два стихотворения, кончающиеся словом „слепой”	70
Прощание со Львом	70
Частушка	72
„Выгоняли меня, говорили — иди!...”	73
„Стою ли на молитве или сплю...”	74
Звезда в окне	75
Старица	76
Без вдохновенья и труда	77
Кошка	78
Последние минуты Страстной	79
Сестра-Яблоня	80
О ней же	82
Дурачок	83
Далекie старцы	84
„Дни перед Пасхой, дни Поста...”	85
„Прости, Господь, — Ты был Фазан...”	86
Ночь на Великую Субботу	87
Воскрешение апостолом Петром Тавифы и попытка подражания	88
В трапезной	90
„О, небо! Небо! Грустно мне!...”	91
Воспитание тихих глаз	92
Сáтори	93
Медведь	94
Кормление птиц	95
Скит	96

АРДИС

- И. Бродский, УРАНИЯ
В. Войнович. МОСКВА 2042
С. Соколов, ПАЛИСАНДРИЯ
В. Аксенов, СКАЖИ ИЗЮМ
И. Лиснянская, СТИХОТВОРЕНИЯ
Ю. Милославский, ОТ ШУМА ВСАДНИКОВ И СТРЕЛКОВ
В. Набоков, ДАР
О. Мандельштам, РАЗГОВОР О ДАНТЕ
С. Липкин, КОЧЕВОЙ ОГОНЬ
А. Битов, ПУШКИНСКИЙ ДОМ
Ф. Искандер, КРОЛИКИ И УДАВЫ
С. Юрьенен, СЫН ИМПЕРИИ
Б. Кеңжеев, ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА
С. Довлатов, ремесло
Л. Копелев, ХРАНИТЬ ВЕЧНО
А. Гладилин, КАКИМ Я БЫЛ ТОГДА
Р. Орлова, ВОСПОМИНАНИЯ О НЕПРОШЕДШЕМ
ВРЕМЕНИ
М. Цветаева, ВЕРСТЫ
Б. Пастернак, ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ
А. Цветков, ЭДЕМ
Ю. Трифонов, ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ
С. Полякова, ЦВЕТАЕВА И ПАРНОК
В. Ходасевич, СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
М. Булгаков, СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В. Набоков, ПЕРЕПИСКА С СЕСТРОЙ
И. Бабель, ПЕТЕРБУРГ 1918
Е. Шварц, ТРУДЫ И ДНИ ЛАВИНИИ
П. Чаадаев, ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА